

УДК 316.6

Л. И. Кирсанова¹

О. А. Коротина²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Роль эстетизма в формировании идентичности народа

Самоидентичность народа – это незавершенный процесс, содержание которого изменяется, подвергается пересмотру в эпохи кризисов. Особая роль в обосновании самоидентичности народа принадлежит мифопоэзису, т.е. формам коллективного бессознательного, извлекаемым из сферы непомысленного, нерелексивного опыта этноса, нации. В новейшее время смысловое напряжение испытывает самоидентичность славянских народов – украинцев, русских, а распри ведут чуть ли не к разрыву их исторического единства.

Ключевые слова и словосочетания: самосознание народа, идентичность, мифологизация, эстетизм, самоидентификация народа.

L. I. Kirsanova

O. A. Korotina

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The influence of aesthesis for shaping the identity of the people

Self-identity of the people is a kind of work in progress, the contents of which changes in times of crises. A special role in the justification of self-identity of the people belongs to mythopoesis. It means the forms of collective unconscious from the scope unconceived, unreflective experience ethnic group, nation. In recent times the semantic tension feels self-identity of the Slavic peoples - Ukrainians, Russian, and strife are almost tear their historical unity.

Keywords: consciousness of the people, identity, mythologizing, aesthesis, the identity of the people.

Сегодня все попытки говорить, писать, мыслить об Украине так или иначе затрагивают Россию. Эта затронутость означает только то, что Россия и Украина суть одно, только чуть-чуть другое. Все как бы одно и то же: история, язык, песни, мифы, но несколько другое. Приведем аналогию: известна индийская притча о том, что невозможно «между нирваной и нашим миром обнаружить даже самое малое отличие». Различение иного от того же самого

¹ Кирсанова Лидия Игнатьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и юридической психологии ВГУЭС; e-mail: lidiya.kirsanova@vvsu.ru.

² Коротина Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и психологии ВГУЭС.

возникает в моменты озабоченного присутствия, когда некое сущее – народ, задается вопросом о том, что он есть, каким образом он есть то, что он есть. Сначала это различие внутри того же самого остается едва уловимым, это самое чуть-чуть кажется совсем малым, его трудно понять в качестве переживаемого (аффекты самоидентификации существуют именно в качестве аффектов – гнева, ненависти, подозрения, но не как нечто осмысленное), рефлексия и вовсе оказывается отсроченной. Суть этого первоначально неуловимого смещения заключается в затронутости, в движении к сущему бытия как целого, в направлении к целому как таковому, которое называют народом. В обычном мире это движение к сущему в целом остается малозаметным, эмпирически не ощущаемым, мысленно не воспроизводимым в качестве концептов, понятий. Благодаря автоматизму повседневности, в которую включены способы организации домашности, гостеприимство, язык, ландшафт, общение и проч., люди не задумываются о том, что такое народ, ибо он уже существует как то, что каким-то образом есть. В трудное время причиной кризиса могут стать перемена религии (язычество – христианство), изменение места бытия народа (усечение или увеличение границ), включение в целое народа инородных элементов (давление иммиграционных факторов), идеологическая тотальность (нацизм, например), радикализация отношений «свой» – «чужой», формирование образа «врага» и т.д.

Народ всегда существует, но он должен обрести себя, ему необходимо самоопределиться через почву, кровь, язык, мифопоэзис [1. С. 275]. Народу «не хватает» самого себя как наличного бытия, как того содержания сущего, которое он может предъявить себе в качестве самообоснования в формах наличного бытия, чтобы комфортно расположиться в нем. Народ – источник идентичности, но ему необходимо время от времени самоопределяться. В точке кризиса реализуется стратегия постановки «под вопрос» ввиду затронутости тем сущим, которое есть народ. Вопросание о целом того сущего, что есть народ, означает провал в бытии, в обоснованность, которое онтически переживается как «что-то-не-по себе», как несобственное бытие, как тревога и страх. Особое место в попытках самоопределения народа принадлежит тому, что называется «бытием-вместе-с». Совместное бытие может быть принудительным в форме закона (Декларация прав...), государства (например, СССР), идеологии (Исламское государство) или добровольным соучастием, содружеством свободных людей (начало Майдана и было такой попыткой, что вызывало симпатии многих народов). Переход от принудительной всеобщности, насильственность которой усугубляется сосуществованием внутри одних и тех же государственных границ иных сообщностей с другими источниками идентификации, к свободной и добровольной всеобщности (как всякая стратегия освобождения) неизбежно оборачивается подключением факторов риска. Если в принудительной совместности человек не приобщается ко всеобщему в форме свободы, это значит он не имеет в этом всеобщем никакой доли, никакого удела, пригодности, не принадле-

жит к существованию того дела, каким является государство (согласно Руссо, не участвует в «Общественном договоре»), не определяет свою собственную судьбу, тогда народ с легкостью прощается с государством, правом и переходит от вертикального к горизонтальному устройению себя (прямое вооружение народа). Отсюда понятны та неосмотрительность и даже легкомыслие, с которыми Украина распрощалась со своей государственностью, законом, правом, вообще с какой бы то ни было легитимностью. Первоначально свобода существует в форме ничто, пустота соблазняет возможностью вписать в нее какие-угодно-смыслы. Именно поэтому в Украину потянулись самые разнообразные толкователи смыслов от крайне правых (радикальный сектор) до крайне левых (анархизм в виде лозунга: «супермаркеты без продавцов»). Когда возникает некоторая произвольность, случайность в совместном бытии, народ нуждается в знании того, на основе чего единичные субъекты могут участвовать в формах новой всеобщности. Народ в форме зое, «голой жизни» должен стать народом полиса или политики.

То же самое, но чуть-чуть другое мы переживаем в России: мы не находимся в пути к новой(?) идентичности, не ставим «под вопрос» существование того целого, чем мы пребываем – русским народом. Именно потому мы уравновешены, спокойны и миролюбивы на фоне антироссийских санкций Америки и Запада, падения рублевого курса к доллару, возрастающей одержимости «украинцев» и т.п. Мы не подверглись той «буре и натиску» незавершенной идентичности, которая ставит под вопрос само существование украинского народа, который сформировался то как «дар», то как насилие. Пребывание «в буре», на сквозняке истории очень рискованное. Родится ли из попыток самообоснования что-то великое (Всемирная Украина, Европейская Украина) или случайное, пустое, необоснованное? Вот перед каким выбором стоит Украина, и не она одна, это касается Польши, Германии, Венгрии, Сербии и еще многих из числа «западных» народов (в перемене самоидентичности: восточная Европа стала Евро-Западом из-за вступления в Евросоюз, заключены риски сербов, словенцев, поляков и др. Германия же до сих пор несет на себе следы особого «срединного пути» в отношениях с Европой).

При возникновении затруднений с самообоснованием народа имеет смысл обратиться к истории. Если родиной западных народов является Греция, то логичным является проход к источникам самоидентичности жителей греческих городов-полисов. Известно, что свобода афинянина определялась не способностью к делу, формированию вещи из природы («чаша из глины» – знаменитая система 4-х причин по Аристотелю), не количеством земли в собственности или богатством, а количеством досуга. Платон, как, впрочем, и Аристотель, считали труд занятием не достойным свободного человека. Досуг, праздность, ничего-не-делание афиняне ставили выше труда по онтологическим причинам. Во-первых, потому, что любое занятие

по обработке природы и превращению ее в вещь для обмена, продажи, прибыли и проч. порождает ошибки или дефекты воплощения. Согласно Платону, реальная вещь и ее эйдос никогда не совпадают, даже при условии сущностного мимезиса: уродливая чаша отличается от красивой не по существу, их наличное бытие остается дефектным, а только мерой возможного совпадения. Вещь притискивается к эйдосу либо сущностно, либо случайным образом, но любое падение в фактичность наличного бытия остается дефектным. Труд как всякое произведение производит как сущностные вещи (дело мастерства), так и некоторое количество уродливых. Онтически это переживается как разочарование – свободой, демократией, самоуправством и т.п. Вторая онтологическая дефектность заключается в самой структуре озабоченного бытия: готовность к инаковости, способность быть иным маркирует человека как «бытие-все-возможности», пробрасывание себя за пределы всякой фактичности. Целеполагание как то, ради чего существует в модусе ожидания возможного будущего, которое сталкивается с фактичностью жизненного мира, а потому никогда не может быть реализовано, что онтически переживается как перенапряжение взятого на себя иначе-бытия (освобождение других от заботы о бытии, из чего проистекают подвластность этих других, насилие и манипулирование) или бегства от учреждения новой власти (разочарование, бессилие).

Аналитике греческой праздности посвящена работа М. Фуко, в которой он словесно переименовывает ничего-не-делание, называя это «заботой о себе» или «культурой себя» [2. С. 52]. Общий смысл «переворачивания» состоит в следующем: греческая праздность вовсе не является обозначением лени, ничего-не-деланием, попустительством случаю и т.п., а имением места и времени для овладения собой, своими сущностными связями (что есть божество, что такое смерть, что есть природа, что есть космос), чтобы сформулировать то, что Платон называл «эйдосами» вещей. Способность сформулировать политическое или юридическое решение является производной от эдейтической аналитики. Чтобы бросить взгляд вперед (ведать – значит знать наперед), за пределы фактичности жизненного мира, необходимо оторваться от повседневности, от связанности наличным бытием. Радикальный отказ от труда в формах какой бы то ни было производительности, поддерживает и интенсифицирует другой полюс экзистенции – умение владеть собой, обживать фактичность мира своим собственным образом. Владение миром несобственным образом оборачивается дефектами зависимости от чужого истолкования смыслов («Миф о пещере» в интерпретации М. Хайдеггера), избеганием зависимости от Другого является знаменитое сократовское указывание: познай самого себя. Невозможно отказать себе в отсылке к прелестной наивности сократовского предупреждения о недопустимости поспешности «брать на себя ответственность за других». Сократ предостерегал молодых людей от того, «чтобы раньше заботы о себе возложить на себя заботу об общине и править полисом подобно царям Спарты и Персии».

Сократ увещевает Алкивиада: «с твоей стороны будет слишком самонадеянно братья за власть, не усвоив главного: прежде всего тебе надлежит заняться собой – и немедленно, покуда ты еще молод, поскольку в пятьдесят лет будет уже слишком поздно» [Там же]. В этом фрагменте существенным является обращенность к молодым, ум которых подвижен и гибок, а жизненные силы велики, так что молодой человек легко может перейти от формы знания к практикам жизни. Итак, суммой условий «забегания вперед», выхода за пределы наличного бытия являются следующие: наличие досуга, поддержка и кормление извне, молодость. На наш взгляд, начало Майдана из всего этого и состоит.

Античные учителя мудрости понимали, что возможен сдвиг значений: посвятив себя досугу и овладев праздностью, молодой человек может растратить себя на увлечения несущественным, бесполезным. Дополнительное замечание, вычитываемое у Фуко, состоит в том, что «забота о себе» как освобождение от зависимости от природы, общины, от всех людей вообще и вещей не гарантировано: перемена фокуса, оборачивание на себя ничем не гарантировано, возникает спонтанно, а потому подточены тревогой и страхом, сопровождаются неистовством и одержимостью. Причиной тому является то, что человек не овладевает бытием как целым, согласно существу дела, а увлекается частичными объектами, отнятыми у этого целого: преувеличивает значимость своего народа против инородцев (мы – афиняне, равно как мы – немцы, мы – украинцы или мы – русские). У римлян народ оказался расколотым различием между римлянами и не-римлянами, патрициями и плебеями, далее последовали войны между язычниками и христианами (крестовые походы для восстановления места и дела Христа), в новейшее время марксова идея классовой борьбы разделила народ на буржуа и пролетариев, приняв частичный объект за полноту всего народа, из-за чего Россия ввергла себя в состояние гражданской войны на десятилетия.

Если «забота о себе» была утонченной техникой жизни привилегированных слоев афинской аристократии, смыслом жизни для избранных к духовному водительство (Платон считал, что государством должны править философы) – от пифагорейцев до стоиков, то удовольствие от себя, самолюбование, трансперсональное расширение известны формам народной, низовой культуры, таковы праздники, карнавалы, шествия, массовые ритуалы и т.п. При этом перемена этических знаков, посмеяние власти, постановка «последних» (низов) на место «первых» не являются неким «вывихом», дефектом трансперсонального опыта (площадного, «майданного» проживания), а действием согласно существу этого события (трансперсональное расширяет границы его-субъекта за счет подключения мифологических энергий), а потому рассматриваются как необходимые и закономерные. Снести памятники прежней власти (разрушить памятник Ленину) и возложить цветы другим, поруганным раньше – Степану Бендере, это только

маркирует то переворачивание «верха» и «низа», которым отмечены все начинания нарождающейся новой идентичности народа. Мифология праздника и праздности реактивирует в коллективном бессознательном некоторые «этнографические» ностальгические «кусочки бытия», о котором всегда грезит народ, соблазняемый «обжираться», «толстыми» элитами (поэтическим выражением этого настроения является сказка А. Толстого «Три толстяка»). Камлание – «кто не скачет – тот москаль», бессознательно «притиснувшееся» (словечко Павла Флоренского) из шаманизма, «включает» переживание мифологического, поэтического, чудесного. Идентификация с чудесным (увлеченность чудом: превращением Украины в Европу) восстанавливает связь с мифопоэзисом от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (гуманистический миф) до «Вия» (террористический миф: неумение правильно читать и говорить грозит смертью). С точки зрения мифопоэзиса Яценюк, обучившийся английскому языку у дианетиков-американцев – «правильный хлопец», а донецкие шахтеры, не желающие изучать украинский, должны быть перебиты. Запорожской сечи (название украинского парламента Радой отсылает к устройению казацкого мира) придается мифологическая функция: испытывается возможность иной иерархии властных отношений – перемена вертикали власти на ее горизонталь. Майдан является моделью власти, у которой периферия – везде, а центр – нигде, т.е. распределение властных отношений осуществляется согласно центробежному принципу. К этому следует присоединить мифологическое восстановление образа «Киевской Руси», романтическую героизацию деяний княгини Ольги, все те осколки мифов, которые вбрасывались в дискуссионное поле Майдана.

Без опоры на миф не обходится ни одно, сколько-нибудь массовое движение (мистика «почвы и крови» была основой самообоснования немецкого народа, правильное чтение Торы является скрепой еврейского народа и др.).

С точки зрения эстезиса интерес представляет речь М. Хайдеггера «Самоутверждение немецкого университета», произнесенная им во Фрайбурге 27 мая 1933 года. Ее содержание выходит за границы темы самообоснования немецкого университета, речь идет о гораздо большем и важном: Хайдеггер утверждает, что немецкий народ – это нация знания, в сущности которого сопрягаются воля к знанию, трудовое напряжение и способность выдерживать это усилие в условиях «распри» – обороны и войны. Немецкий мыслитель утверждает, что самообоснование немецкого народа не завершено: «Величю начала еще не настал срок. Начало еще есть. Оно не лежит позади нас как некогда бывшее, но предстает нам». Поэтому вопрошанию подлежит все содержание общеисторического бытия германского народа: «природа, история, язык, народ, обычай, государство; поэтическое высказывание, мышление, верование; болезнь, безумство, смерть; право, хозяйство, техника» [3. С. 250]. Всеобщее, таким образом, оказывается тем «неизвестным» сущим, которое создает мир глубочайшей и крайней опасно-

сти. «Ведь дух народа – не пустая игра слов, не содержание не связанного ничем воображения, не безбрежная гонка рассудочного препарирования и, тем более, не мировой разум, а решимость воли и знания в овладении сущностью всеобщего» [Там же]. Хайдеггер, пытаясь спасти народ от невыносимой тревоги (!) быть заброшенным в ничто, от «провала в бытии», предлагает опереться на некое знание, как будто оно есть, а не предстоит, чтобы народ мог себя направить и вручить себя самому себе. На что можно опереться? На миф почвы и крови, иными словами, на происхождение и порождение, нужно подвергнуть себя некоему анамнезу своего прошлого, сколько возможно далеко отстоящего от современности, которое следует предъявить самому себе. Как деконструировать, как переписать заново, как переиначить свое прошлое?

Порыв, страстность и даже жесткость – вот содержание концепта, введенного Хайдеггером, – решимость. «Все великое пребывает в буре», – заканчивает Хайдеггер свою ректорскую речь цитатой из Платона. Если бы призыв к «распре» (Буре?) был только следствием индивидуального темперамента, все было бы гораздо проще. Личная одержимость чем-то (древнегерманским духом) или кем-то (фюрером) не имеет того исторического размаха, какой она приобретает при подключении мифопоэтических энергий коллективного бессознательного. Далее, судьба немецкого народа определяется им как совместная участь, совброшенность, сбывание общности. Ректор (вождь, вожатый, обеспечивающий ведомому путь) оказывается тем, кто движется силой потрясения своего(!) *Dasein*. В этом моменте необходимо различать экзистирование как факт личного выбора и примыкание к коллективному бессознательному, которое минимизирует индивидуальность. Отсюда следует существенное отличие личностного водительствования от тех, кто является орудием или проводником трансперсонального. Хайдеггер, безусловно, принадлежит к тем, кто, пребывая в экзистенциальной тревоге, водительствует: направляет, указывает путь, ввиду этой тревоги и даже отчаяния, и имеет мужество это выдерживать (свинцовая нераскаянность Хайдеггера в нацизме). Существует другое «водительствование» – циничное манипулирование «массой», где лидер неотличим от нее ни по параметрам ума, ни по совести.

Как в античной традиции, так и в немецкой аналитике речь идет, по крайней мере, о возможности двух стратегий идентификации народа. Одна из них заключается в опоре на коллективную идентичность либо мистического типа (почва, кровь, происхождение, порождение – «третий райх»), либо в форме плебисцита, когда к совместности приходят путем участия в голосовании, завершающемся созданием общности, бытия-вместе в виде полиса как политики («общественный договор», «всеобщее торговое государство» И. Фихте, «Европейский мир» И. Канта и др.). В отличие от коллективной, индивидуальная идентичность заключается в том, что экзистирующий ин-

дивид на основе своего уединенного решения (с опорой на «мой собственный» мир) берет на себя ответственность за то, что он есть – грек, римлянин, немец, русский и др. Известен случай немецкого поэта Гельдерлина, объявившего своей родиной Грецию. Избранная самость, таким образом, может не совпадать с местом рождения и родством. Индивидуальная идентичность допускает рассеяние, бегство в «другую» родину, язык (русский поэт Иосиф Бродский в эмиграции стал билингвистичным, его стихи на английском языке удерживаются в статусе «высокой» поэзии. Справедливости ради стоит отметить, что его отъезд был вынужденным).

Современный мыслитель Юрген Хабермас в качестве разных образцов самоидентичности сравнивает Кьеркегора и Гегеля. По его мнению, «Гегель хотел оказать поддержку субъективной свободе и моральной совести с помощью институтов разумного государства, датский философ Кьеркегор находит опору для свободы и совести в радикализованной внутренней жизни, так он подходит к понятию личной идентичности, которое, очевидно, больше подходит для нашего посттрадиционного, но пока еще по своей сущности неразумного мира» [4. С. 128]. Хабермас отказывается от опытов коллективной идентичности, избегает концепта «народ», обосновывает идею коммуникативной рациональности, настаивает на приоритете индивидуального разума; свободу, достоинство относит к свойствам личности, а не к духу народа. Возникает один вопрос: кто обеспечит гарантии индивидуальной самоидентичности, когда свобода эго-субъекта всецело зависит от истины всеобщего?

Коллективная и индивидуальная самоидентичность являются разнородными, подчас, несоизмеримыми сущностями. Народ как конкретно-всеобщее необходимо для того, чтобы скрепить разнонаправленные идентичности в целое, обеспечить такое собирание прошлого, которое обосновывает его решимость в будущем быть таким, а не другим. Именно посредством духа народ обживает место, тем самым пребывает в уместности. Не может быть территория скрепой народа. Что толку держать границы, когда ослабел народный дух, наоборот, сила народа притягивает других, а потому расширение территорий принимает вид органического роста.

Мифопоэзис Майдана – странноприемлемый мир, который сопрягает все: от опоры на полевых командиров, которые занимаются как войной, так и хозяйством, до украинских феминисток. Напомним, Запорожская сечь – это горизонтальное поселение земледельческого этноса, служащее целям обороны, осуществляющее набеги на соседей с целью обогащения, а также распределение земли для обработки и содержания скота, управляемое выборными атаманами и т.п. К мифопоэзису следует отнести шаманское камлание в виде многочасовых «подпрыгиваний» с целью поддержания эмоциональной насыщенности действия. Особое слово следует сказать об украинских феминистках, упомянув о радикальном крыле этого движения – группе «Фемен». Именно они отметились «голой» атакой на Путина, 136

пытаюсь противопоставить «голое» сущее, жизнь как зое, обществу спектакля, инсценировок и манипуляций. На Майдане этические знаки поменялись: девушки смотрели на своих парней как на героев, расценивая их действия как залог грядущего освобождения «всех». Протест против власти спектакля (критику «общества спектакля предложил» Ги Дебор) заменился на гостеприимство: изготовление бутербродов, чая и кофе, поэтому дама из Госдепа США с «пирожками» пришла как раз ко двору. Мифопоэзис держится энергией рассеяния, во-первых, потому что опирается «на бытие-в-кусочках», на осколки разных мифов, а поэтому ничего не может собирать, его сила заключена в периферии, захвате возможно большего количества своих и чужих. Именно в этот момент среди протестующих получил распространение перцепт «Всемирная Украина». Подтверждение отсутствию центра мифопоэзиса мы находим в фигурах-симулякрах – от безъязычного Кличко до унылого Яценюка. Во-вторых, любой миф стремится стать всеобщим: в начале Майдана Украина желала быть Всемирной Украиной, чтобы явить всем народам образец радикальной свободы, беря от начал потребительского коммунизма («каждому – по потребностям» – в магазинах без продавцов) до восстановления Киевской Руси, где Россия будет частью Украины. Заметим, последовавшая тут же при выборах Рады трансформация всеобщего мифа, его распад, обнаружившийся в способе именовании государственного новообразования – Евроукраина, сужение мифопоэтического горизонта идентификации свидетельствуют о большей адекватности элит (это решение парламента), нежели массы.

Энергия мифопоэзиса, хотя и спасает от тревоги и страха тем, что выводит за пределы наличного бытия и всякой фактичности (в этот момент угрозой зимы, ростом цен и прочим можно пренебречь), что онтически переживается как эйфория и одержимость, но, будучи рассеянием, не способен удержать всеобщее в форме длительности. Майдан быстро закончился. Первоначальная открытость Майдана исчерпала себя, обращенность к будущему в виде утопии-проекта (Украина – самостоятельное национальное государство, где все три концепта принадлежат к сфере воображаемого, которое определяется Хайдеггером как модус «присутствия отсутствия») потребовала самозамкнутости того конкретно-всеобщего, каким ощущают себя украинские жители. Самозамкнутость имеет ядром центрирования пространство, а не время, совместность на основе почвы, крови, языка. Центростремительные тенденции возобладали над центробежными. Ставка была сделана на украинский язык, отказ от двуязычия. Были предприняты попытки сделать из Украины некоторую этнографическую «вещь»: замкнутую в пространстве границами, запертую в одном языке, делающую ставку на оборону и войну. «Национальное государство представляет собой довольно шаткое временное равновесие между состоянием некоей этнической Вещи – патриотизм, национализм и проч., и всеобщей функцией рынка» [5. С. 294].

Сознание временения, бытия-к-концу является судьбой не только индивида, но и наций, народов, пространство же обеспечивает стабильность, снимает тревогу и страх, поэтому имеет смысл создавать и удерживать империи (Рим, Москва). Мифологически безопасный Дом и окружающая его домашность всегда были предпочтительнее Пути (метафора времени), предстоящая путь-дорога обычно служит поводом для беспокойства. Это подтверждают специалисты по психорасстройствам: дефект пространственной ориентации является более тяжелым неврозом, чем дезориентация во времени (Медард Босс). Время порождает тревогу, пространство освобождает от тревоги, обеспечивает стабильность. Забвение прошлого, нехватка истории поражают человека меньше, чем то, когда «тело теряет органы» – изменение границ: отсюда такая болезненная реакция украинцев на отторжение Крыма.

Именно опора на пространство, уместность возмещают ту нехватку бытия, недостаток коллективной идентичности, которые обнаружились вскоре после Майдана. Мифопоэзис может пренебрегать реальностью, размещать себя по ту сторону действительности, разрывать с наличным бытием, вытеснять все проблемы, связанные с необходимостью обеспечивать жизнь столицы и регионов. Однако мы знаем также о неизбежности «возвращения вытесненного», принцип реальности заявляет о своих правах, вместе с экономическими, политическими и военными проблемами (началась война в Донбасе, рухнул расстрелянный Боинг, выросли долги за газ и проч.) вернулись тревога и страх. Дали знать о себе «тревога отторжения» земель (как настоящая), так и территориальные споры с Венгрией, Польшей и т.д. (как будущие). Потребовалось выстраивать новые кордоны защиты: премьер правительства намеревается построить Стену между Украиной и Россией, президент обещает военный парад украинской армии в Севастополе, прибегать к милитаристской риторике, приступить к перевооружению армии, активно создавать из России «образ врага». Все это ориентирует народ на самозакнутость, формирование из него некоей «этнографической вещи». Всякая идентификация с опорой на «этнографическую вещь» является плохим мимезисом, потому что означает отказ от совместного бытия на основе добровольности, свободы, справедливости. Многим в Украине представляется (кажимость, как известно, утешает, но обманывает), что из органических форм народного духа – земли, порождения, языка, как из ростка, вырастет нечто целое, совместное бытие-с-другими. Иссаяк мифопоэзис рассеяния, вступила в свои права реальность, которая подчинена необходимости строить национальное государство, что вызывает много трудностей. Возрастает тревога перед «ничтожением»: впереди маячат угрозы утраты доступа к углеводородам, инфляция, жизнь «в долг», внутривнутриполитическая борьба элит, отрезвление Запада и т.д.

Попытаемся разобраться, чьим интересам на Западе противоречит избранная Украиной самоидентификация с опорой на «этнографическую вещь». Известно, что Хайдеггер считал вещь, понятую согласно Аристотелю,

подлинным, сущностным мимезисом, защитой от тревоги перед ничтожеством. Вещь – это нечто произведенное, сделанное своими руками, выведенное к бытию мастером, а потому понятное и дорогое, то ближайшее, в котором сопряжены все мировые связи – природа и космос, божества и смертные. Изготовление вещи означает такое положение дел, что она (вещь) тем или иным образом затрагивает каждого, заведомо касается каждого в народе, это то, о чем можно совещаться, спорить. «Этнографическая» вещь как некая самозамкнутая особость (Украина как национальное государство) предполагает размещение в политическом поле Запада, сформированном на основе иной идентичности, на том, что называется всеобщим обращением капитала и информации. Капитал и информация трансцендируют через границы национальных государств, сплавляет их население в единую общность потребителей одного и того же. Транснациональные корпорации требуют всеобщей открытости границ, следовательно, их политика состоит в недопущении какой бы то ни было самозакнутости и самосделанности, никакому народу не дозволяется делать из себя нечто своим собственным образом – ни шотладцам, ни каталонцам, ни баскам, ни грекам. Культурным аналогом всеобщности капитала и информации выступает мультикультурализм – культурный обмен раритетами, музеефицированными остатками эносов, национальностей, народов.

Итак, новая тревога и опасности для Украины впереди: «этнографическая вещь» как образец для определения народа с опорой на национализм, патриотизм, единственный язык и проч., еще не будучи сформированной, уже является анахронизмом. Любое национальное государство, в основе которого сохраняется подлинная этническая традиционность, препятствует глобальному обращению капитала. Сегодняшняя Евро-Америка – это гегемония глобального рынка, мультикультуралистской терпимости, верность заклинаниям типа: «равенство-свобода-демократия». Современный философ Славој Жижек, словенец по происхождению, затронутый болью утраты национальной самоидентичности, пишет: «Глобальный капитализм как бы перерезает пуповину, связывающую его со своей матерью-нацией, и относится к стране своего происхождения как к еще одной территории, которую нужно колонизировать» [Там же]. Следует различать внешнюю и внутреннюю колонизацию, о чем предупреждал Эдвард Саид. Госдеп США – это не Америка, это, скорее, монстр, оторвавшийся от «всяческих» корней (от Декларации прав...) и идентичностей в пользу служения глобализации и мультикультурализму. Госдеп как монструозное формирование совместно с транснациональными компаниями и международными банками колонизирует свой народ, как и всех прочих. Также успешно он осуществляет внешнюю колонизацию: устраивает «цветные» революции, Украине достался цвет – оранжевый, смещает и даже физически уничтожает лидеров национальных государств (Гватемала, Панама, Ирак, Сирия, Ливан и т.д.), рас-

пространяет и поддерживает самые экзотические образы жизни и сообщества (геев, феминисток и др.) с целью мультиплицировать всеобщность народа, рассеять его на мелкие группы и противопоставить друг другу. Мультикультурализм расчищает место конкретной всеобщности, освобождает народ от эмоциональных и моральных привязанностей к нации как своему рукотворному делу, создает «пустое» место всеобщего, в которое вписывает собственные смыслы. Украина не говорит, Запад говорит об Украине на своем языке, делая понятными для себя события, которые происходят на восточной окраине Европы.

Целое народа расколото: многие украинцы убеждены в том, что капитализм является лучшей формой жизни, желают того, чтобы он был сохранен, хотя бы как их собственное воображаемое. Элиты и верхушка среднего класса надеются успеть воспользоваться западными правами и свободами (безвизовый въезд, образование, работа и др.). Те и другие презирают «простых» людей, которых «укропы» (украинские патриоты) называют «ватниками» (жители Донбаса) за то, что они якобы не способны оторваться от своей общинной и языковой (русской) идентичности. Борьба между этими «двумя» народами: с одной стороны, частью тех, кто ориентирован на западный вектор развития, и теми, кто желает определиться через язык, родство, территорию, будет продолжена, градус ожесточения нарастает, потому что в качестве аргумента правоты стороны стали использовать танки.

Грядущая опасность и всплеск тревоги и страха ожидаются в связи с тем, что мультикультуралистская терпимость не распространяется на признание Украины в качестве особой «этнографической вещи». Центрация такого рода идентичности опирается на уместность, почву, кровное родство, язык, национализм и милитаризм, что неизбежно ведет к самозакнутости. С другой стороны, Украина подписалась под «колонизацией», жизнью в долг, перевооружением армии для НАТО, введением в правительство иностранных министров, тем самым де-факто уже отказалась от национальной самоидентичности.

1. Фуко, М. Забота о себе / М. Фуко. – Киев: Дух и литера, 1998. – 288 с.
2. Маффесоли, М. Околдованность мира или божественное социальное / М. Маффесоли // Социо-логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 275.
3. Бурдье, П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / П. Бурдье. – М.: Прогресс, 2003. – 272 с.
4. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
5. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр «политической онтологии» / С. Жижек. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2014. – 528 с.